

На правах рукописи

КАШПЕРСКАЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА

**ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА И ЖАНРА В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ XV ВЕКА О ВАЛАШСКОМ
КНЯЗЕ ВЛАДЕ III**

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва, 2015

Работа выполнена на кафедре германской и кельтской филологии филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

доктор филологических наук, профессор

Сквайрс Екатерина Ричардовна

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Шубина Эльвира Леонидовна

доктор филологических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

доцент кафедры немецкого языка

Бабенко Наталия Сергеевна

кандидат филологических наук

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»

заведующий сектором, старший научный сотрудник сектора германских языков

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита диссертации состоится «21» мая 2015 года в 14 часов 30 мин. на заседании диссертационного совета Д.501.001.80 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В.Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» и на сайте филологического факультета: www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан «20» апреля 2015 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

профессор

Т.А.Комова

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению эволюции языка и жанра в немецких текстах XV века о Владе III Дракуле. **Объектом** исследования является корпус текстов о Владе III, созданных на немецком языке между 1462 и 1500 гг. **Предметом** исследования является жанровая и языковая эволюция данных текстов, связанная с изменением их лингвопрагматической задачи. Основной **целью** исследования стало выявить, как в зависимости от текущей исторической ситуации изменялась лингвопрагматика текстов, и какое влияние это оказывало на жанровое своеобразие изучаемых источников, их текстовую структуру и системные языковые особенности.

Материалом для исследования послужил корпус оригинальных рукописных источников и печатных изданий XV в., полностью охватывающий все сохранившиеся немецкие тексты о Владе III.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

- 1) отсутствием филолого-лингвистических исследований немецких текстов XV в. о Владе III как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе;
- 2) необходимостью объяснить ряд общих лингвистических и жанровых особенностей текстов о Владе III, нехарактерных для языка и словесности изучаемого периода;
- 3) необходимостью систематизировать данные о генеалогии немецких текстов о Дракуле и проверить их с помощью филолого-лингвистических средств.

Степень разработанности темы диссертации на настоящий момент приходится считать недостаточной: лингво-филологический анализ жанровых и языковых особенностей текстов о Дракуле, в том числе с точки зрения теоретических подходов лингвопрагматики и теории жанров, ранее не проводился.

В связи с этим в работе были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

- выявить исторические предпосылки появления немецких текстов о Дракуле и определить их первоисточник;
- реконструировать текстологические и хронологические связи между текстами;
- на основе теоретических подходов лингвопрагматики и теории жанров составить парадигму жанров, в которых реализован исследуемый сюжет;

- проанализировать, как в зависимости от текущей исторической ситуации изменялись оценочная позиция и цели составителей текстов;
- выявить, какое влияние это изменение оказывало на жанровое своеобразие изучаемых источников, их текстовую структуру и конкретные языковые особенности;
- объяснить ряд общих лингвистических и жанровых особенностей текстов о Владе III, нехарактерных для языка и словесности изучаемого периода.

Решение перечисленных выше задач определило выбор использованных в работе **методов** исследования. Основой исследования являются теоретические подходы лингвопрагматики и теории жанров. Метод сплошной выборки позволил выделить из текстов корпус примеров, отражающих как сюжетные, так и жанровые и языковые особенности каждого из текстов. Описательный метод применялся при анализе лексического материала. Сравнительный текстологический анализ позволил выявить сходства и различия между текстами, а также изменения языковых особенностей в зависимости от жанра. Грамматический анализ текстов дал возможность установить текстологическую связь между исследуемыми произведениями.

Научная новизна работы заключается в следующем: впервые осуществлено филолого-лингвистическое исследование немецких текстов XV в. о Владе III, проанализированы их лингвистические и жанровые особенности.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней рассматриваются вопросы лингвопрагматики и лингвистической классификации жанров. Кроме того, работа анализирует различные определения понятия каузативности и функционирование каузативной конструкции lassen+инфинитив в переводных текстах с латыни на немецкий, а также семантические особенности и грамматический статус этой конструкции.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет с помощью средств лингвистики и филологии проверить и уточнить исторические обстоятельства возникновения мифа о Дракуле. Результаты могут быть учтены в общем курсе истории германских языков и в специальных курсах «История немецкого языка» и «История немецкой литературы», а также, учитывая дальнейшее развитие сюжета о Дракуле в литературе Нового времени – в общем курсе истории европейских литератур и кино.

Авторский вклад: автором исследования был составлен корпус релевантных для исследования текстов, выполнена, где необходимо, расшифровка рукописного материала, произведён перевод и анализ всех латинских и немецких текстов и установлена связь между ними.

Степень достоверности и апробация работы: обсуждение основных положений диссертации осуществлялось во время участия в международной конференции группы по нижненемецким исследованиям «A Room of Its Own» 17-19 сентября 2012 г., Королевская академия наук, Стокгольм, Швеция, и в докладе, сделанном на III «Немецко-русской рабочей встрече по истории книги» 1-3 ноября 2012 г., Филиппс-Университет, Марбург, Германия. Основные результаты работы обсуждались в рамках доклада на заседании аспирантского объединения кафедры германской и кельтской филологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2013 г. Предварительные результаты исследования излагались на конференции «Ломоносов-2012» в МГУ имени М.В.Ломоносова.

Основные положения работы нашли отражение в 5 статьях, из них 3 опубликованы в журналах, рекомендуемых ВАК.

Положения, выносимые на защиту:

1. Традиция немецких текстов XV в. о Владе III Дракуле является результатом и одновременно инструментом развёрнутой против него политической кампании. Некоторое количество сюжетов, составляющих немецкие тексты о Дракуле, основано на исторических событиях, однако реальные факты намеренно искажаются либо интерпретируются превратно, становясь средством языковой стратегии, как показал филолого-лингвистический анализ.
2. Разнообразие целевых аудиторий, на которые предполагалось воздействовать, и лингвопрагматические задачи, стоявшие перед составителями текстов, обусловили разнообразие жанров, в которых представлена «История о Дракуле».
3. Сравнение с классификациями жанров XV в. показывает, что комплекс текстов о Владе III, созданных на немецком языке в период с 1462 г. по 1500 г., составляет жанровую парадигму, так как эти тексты охватывают практически все типы словесности, релевантные для выполнения задач политической кампании.
4. Наиболее ранними из немецких текстов о Владе III являются рукописные сообщения, составленные бенедиктинскими монахами около 1462 г. Основной

набор сюжетов из этих рукописей вошёл в поэму Михаэля Бехайма, «Констанцскую хронику» и народные книги о Дракуле.

5. Языковые особенности немецких текстов о Владе III, в том числе риторико-стилистические, лексические и грамматико-синтаксические, а также структурно-содержательные особенности данных текстов, доказывают генеалогическую связь между ними. Большинство этих особенностей являются жанрово не дифференцированными и указывают на текстологические связи немецких версий.
6. Языковые средства в процессе эволюции текстов о Владе III переходят в жанры, для которых они нехарактерны, однако это не приводит к разрушению жанров, а напротив, увеличивает лингвопрагматическую эффективность последних. Изменение жанра не влечёт за собой значительной динамики языка, что является характерной особенностью всей жанровой парадигмы текстов о Дракуле.
7. Главной жанровой характеристикой немецких текстов XV в. о Владе III является их жанровая разноплановость: сочетание черт различных жанров для этой парадигмы текстов является прагматически плодотворным, поскольку усиливает воздействие на реципиента.

Структура работы обусловлена поставленными целями и задачами, а также выбранными методами исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы; сформулированы задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту; указана степень разработанности темы; сообщается информация о степени достоверности полученных результатов и об апробации работы; кратко очерчена структура работы.

Глава 1 «Историческая основа ранних текстов о Владе III» содержит в себе обзор научной литературы, посвящённой истории Влада III и затрагивающей проблему возникновения немецких текстов о нём. Большая часть научной литературы, исследующей немецкие тексты о Дракуле XV века, рассматривает их исключительно в историческом контексте. Некоторое количество исследований посвящено генеалогии и хронологической последовательности текстов, а также их

структурно-содержательным сходствам и различиям. Лингвистические особенности немецкоязычных текстов о Дракуле до сих пор оставались без внимания. Целью данной работы является восполнить этот пробел в научной литературе.

Во второй части главы дана характеристика геополитической ситуации и конфликтов, в которых участвовал Влад III, и выявляются истоки и причины направленной против него информационной кампании. В 1462 г. в результате политического конфликта Влад III был взят в плен королём Венгрии Матвеем Корвином. Чтобы оправдать свои действия перед папой римским и другими союзниками в борьбе против Османской империи, Корвин начал кампанию по оклеветанию Влада III с целью представить его бесчеловечным тираном. Рукописные варианты истории о Дракуле и вся дальнейшая традиция немецких текстов XV в. о Дракуле являются результатом, а отчасти и инструментом этой кампании. Довольно вероятной выглядит гипотеза о происхождении исходного немецкого текста от текста донесения, составленного для папского посланника на латыни и содержавшего информацию о сговоре Дракулы с турецким султаном. Следы этого, по-видимому, не сохранившегося письма можно найти в «Комментариях» папы Пия II (до 1464 г.) – мемуарах, написанных на латыни.

Некоторое количество сюжетов, составляющих немецкие тексты о Дракуле, основано на исторических событиях, например, описание карательного похода в Трансильванию (до 1460 гг.) или сожжения поселений. Однако реальные факты в немецких текстах намеренно искажаются либо интерпретируются превратно, становясь содержательной основой для создания отрицательного образа Дракулы и реализации лингвопрагматической стратегии.

Глава 2 «Лингвотеоретические основы исследования» представляет лингвотеоретическую основу исследования, анализ понятий лингвопрагматики, проблемы и методы классификации жанров в применении к задачам данного исследования.

Поскольку исследуемые тексты являются инструментом политической кампании, первостепенным становится вопрос о том, каким образом язык этих текстов служил определённым целям их авторов и составителей, то есть об их лингвопрагматике. В разделе 2.1 рассматриваются аспекты прагматики, относящиеся к задачам текста. Информационная кампания против Влада III,

осуществляемая филологическими средствами, стремилась к тому, чтобы охватить максимально широкий круг предполагаемых реципиентов. Среди них можно выделить 5 групп адресатов: 1) религиозные деятели; 2) политики; 3) учёные; 4) феодальная элита (4а – женщины); 5) массовая городская публика (+ 5а – женщины). Разнообразие аудиторий, на которые предполагалось воздействовать, обусловило разнообразие жанров, в которых представлены тексты о Дракуле.

Рассматривая жанровую парадигму изучаемых немецких текстов, необходимо опираться на определённую классификацию жанров и понимание их особенностей и прагматики. С этой целью в разделе 2.2. задаются теоретические основы для классификации жанров исследуемых текстов. Такой основой послужили идеи и подходы В.М.Жирмунского [Жирмунский 1996: 374-382] и М.М.Бахтина [Бахтин 1979: 237-245, 257], предлагавших разноуровневые классификации и считавших прагматику важнейшим жанрообразующим фактором. С точки зрения лингвистики представляется наиболее уместным функциональный подход к классификации жанров, где главную роль играют коммуникативная функция, лежащая в основе текста, область его применения и задачи [Brendel 1977: 362]. Однако особенность исследуемых текстов в том, что ни один из них не уместается в рамки традиционной классификации жанров, и даже в более гибкой функциональной модели каждый из типов текстов относится к классу, названному Э.Гроссе «переходным» [Grosse 1974].

Так, поэма Михаэля Бехайма, помимо эстетической (поэтической) функции, несомненно, несёт в себе черты аппелятивности (прямое обращение к слушателю и его эмоциям) и информативности (цель – донесение до слушателя новой информации в строго определённом ключе). С точки зрения коммуникативной передачи, «канала», по которому это произведение было донесено до адресата, следует помнить, что поэма Бехайма была предназначена для исполнения вслух на определённую мелодию, ритм которой диктовал размер стиха.

«Констанцская хроника» Гебхарда Дахера, по формальным признакам историографического сочинения выполняющая информативную функцию, на самом деле имеет и признаки развлекательного текста, поскольку содержит занимательные истории (в том числе историю о Дракуле), не имеющие отношения к хронологической летописи города.

Особняком стоят первый и финальный этапы жанровой эволюции текстов о Дракуле: рукописи бенедиктинских монахов и народные книги. Бенедиктинские рукописи не являлись средством массового воздействия, скорее, они представляют собой тексты, составленные для внутриинституционального распространения и употребления в бенедиктинских монастырях. Поэтому, при том, что эти тексты несут некоторые формальные признаки агитационной литературы, например, памфлета (апеллятивные тексты), или даже выдержки из судебного протокола (нормативные тексты), они не встраиваются ни в одну из парадигм жанров, потому что ни один из признаков их жанровой принадлежности не соответствует реальной функции бенедиктинских рукописей.

Народные книги сочетают в себе признаки информативного текста, встречающиеся в бенедиктинских рукописях, с добавленной к ним морализаторской концовкой, за счёт которой примыкают к духовно-наставительной литературе. Функциональные задачи, выполняемые ими, дополнительно относят народные книги о Дракуле к классу развлекательных текстов.

Одна из главных особенностей немецких текстов о Дракуле заключается в том, что они представляют собой единый сюжет, представленный в различных жанрах. Целью исследования являлось понять, почему для реализации истории о Дракуле были выбраны именно эти жанры. Поэтому крайне важным стало рассмотрение текстов о Дракуле не только с точки зрения общей классификации жанров, но и в системе жанров исследуемого периода.

Опираясь на состав и структуру (разделы и главы) антологий ранненововерхненемецкой литературы [Kettmann 1985, Heger 1978], мы составили достаточно полный перечень жанров, существовавших в немецкой словесности XV в. Эта эмпирически выведенная классификация средневековых нарративных жанров может далее быть условно применена в качестве систематической классификации. Перечень включает в себя следующие жанры:

- позднюю придворную эпическую поэзию (большие нарративные поэмы);
- малые поэтические формы: песенную лирику (мейстерзанг, народные песни, песни духовного содержания);
- развлекательно-дидактическую литературу (собрания пословиц и поговорок, басни, народные книги и т.п.);
- средневековую драму (мистерии, фастнахтшпили)

- духовно-наставительные жанры (проповеди, жития святых);
- агитационную литературу (листовки, памфлеты, отчасти также печатные книги);
- историографическую литературу;
- различного рода тексты официально-делового письма (средневековое право, договоры, документы);
- научно-описательную литературу (трактаты, энциклопедии, практические руководства);
- географические сочинения (описания путешествий и паломническая литература);
- печатные прогностики (календари, альманахи с предсказаниями на будущий год).

Часть этих жанров не подходила для реализации сюжета о Владе III в соответствии с прагматической задачей, поставленной кампанией против него. Дракуле не могли быть посвящены проповеди, житийная и другая подобная духовная литература; не подходила для этого и тематика научно-популярной литературы и печатных альманахов. Описания путешествий чаще всего были связаны с темой паломничества, но ни в Трансильвании, ни тем более в православной Валахии не было значимых католических святынь. Отчасти подходящим является жанр развлекательно-дидактической литературы, за исключением тех его подвидов, которые были бы неэффективны по форме и по предполагаемому содержанию (пословицы и басни).

Таким образом, теоретически возможными для реализации истории о Дракуле остаются 7 жанров: 1) поэма, 2) развлекательно-дидактическая литература, 3) песенная лирика, 4) средневековая драма, 5) агитационная литература, 6) историографический жанр, 7) официально-деловые тексты. На практике в исследуемом корпусе текстов представлены 5 из этих 7 возможных жанров. Официально-деловыми текстами являются поддельные письма на славянском языке, приписываемые Владу III, а также латинское донесение для папы римского (исходный для немецких текстов латинский текст X), частично также отражённое в «Комментариях» папы Пия II; к официальным жанрам относятся и сами «Комментарии».

Историографический жанр представлен в корпусе текстов о Дракуле «Констанцской хроникой». Народные книги относятся одновременно к агитационной и развлекательно-дидактической литературе. И, наконец, жанр поэмы представлен произведением Михаэля Бехайма.

В корпусе не представлены лишь два жанра, потенциально соответствующих прагматике кампании, организованной против Дракулы, и пригодных для реализации соответствующих текстов: 1) песенная лирика и 2) средневековая драма (например, мистерии или фастнахтшпили). Масленичная комедия *Des Turcken vabnachtspiel* (Фастнахтшпиль турка) Ганса Розенблюта (1456 г.) полностью посвящена турецкому «императору», который рассказывает о том, как хочет пойти войной на христиан. Теоретически подобный мотив мог быть разработан и в отношении Дракулы. Причины, по которой не были использованы эти жанры, неизвестны: возможно, произведения этих жанровых категорий – мистерии и лирические песни, – существовали, но не сохранились в виде письменных источников.

Опираясь на проведённый анализ, можно сделать два основных вывода. Во-первых, для реализации сюжета о Дракуле были отобраны только те жанры, которые действительно являлись эффективными для распространения сюжета среди различных аудиторий. Этот факт подтверждает довод о том, что против Влада III Дракулы действительно проводилась спланированная клеветническая кампания. Во-вторых, как было продемонстрировано выше, авторы кампании практически исчерпывают существующую систему жанров. Следовательно, мы можем понимать эту кампанию как определённую замкнутую парадигму текстов, имеющую конкретную прагматику.

Глава 3 «Немецкоязычные тексты о Владе III, их возникновение, задачи и преемственность» посвящена анализу немецких текстов о Дракуле, их происхождению, хронологической последовательности, жанровой эволюции и её причинам. На основе анализа текстов и исторического материала выстраивается генеалогия текстов, а также отслеживается изменение их жанра в соответствии с лингвопрагматическими задачами.

Корпус исследованных текстов полностью охватывает всю раннюю документально-литературную традицию сюжета о Дракуле, начиная с 1462 г. и до конца XV в. Наиболее ранними из немецких текстов о Дракуле являются

рукописные сообщения, составленные бенедиктинскими монахами около 1462 г. и сохранившиеся в Ламбахской (список 1470 гг.), Санкт-Галленской (список около 1500 г.), Кольмарской (4-я четверть XV в.) и Лондонской рукописях (конец XV в.).

В результате текстологического анализа в различных вариантах рукописных текстов памфлета выделено 42 эпизода, большая часть которых повторяется во всех манускриптах. Почти все эти сюжеты позднее вошли в содержание поэмы Михаэля Бехайма и первопечатные народные книги о Дракуле; они также в основном были отражены в «Констанцской хронике».

Фактологическую основу рукописного текста предположительно составляют несколько источников. Обилие трансильванских топонимов и точные даты указывают на то, что текст мог частично основываться на письмах-жалобах семиградского купечества из Брашова (Кронштадт) и Сибиу (Германштадт). Второй источник - текст донесения, составленного для папского посланника на латыни и содержавшего информацию о сговоре Дракулы с турецким султаном. Выдержки из этого не сохранившегося письма можно найти в «Комментариях» папы Пия II (до 1464 г.) Некоторые эпизоды, присутствующие в бенедиктинской рукописи, встречаются и в «Комментариях».

На основе материала бенедиктинской рукописи были созданы остальные немецкоязычные литературные обработки, разнообразные по своему жанру. Непосредственным «преемником» рукописной истории о Дракуле является поэма Михаэля Бехайма «О злодее, прозванном Дракул воевода валашский» (1463 г.). Она включает в себя 42 эпизода, присутствующие в рукописях бенедиктинских монахов, и добавляет дополнительные эпизоды: о сговоре Дракулы с турецким султаном и о взятии воеводы в плен по приказу короля Венгрии. В тексте «Констанцской хроники» (до 1472 г.) эпизоды расположены в том же порядке, что и в Санкт-Галленской и Кольмарской рукописях. Кроме эпизодов из первоначального каталога 42-х, которые содержатся в бенедиктинских рукописях, в хронике имеется 6 дополнительных эпизодов и уникальные для парадигмы текстов о Дракуле детали.

Дальнейшая популяризация истории о Дракуле продолжилась и после его смерти в 1476 г. Хотя политическая пропаганда против Влада III изжила себя, это не помешало издателям печатных народных книг использовать коммерческий потенциал историй о нём. Первое издание повествования о Дракуле в печатном

формате (Марк Айрер, Нюрнберг, 1488 г.) знаменует собой переход от политически окрашенного текста к книге духовно-наставительного содержания. Акцент смещается с демонстрации злодеяний тирана к выведению морали о том, что даже самый худший грешник может, принеся покаяние, исправиться и стать хорошим христианином. Поэтому последний эпизод о покаянии Дракулы, впервые появляющийся в печатном тексте, особенно значим для жанрового развития традиции текстов о нём.

До настоящего момента известно 13 печатных изданий истории о Дракуле XV и XVI вв.: 7 из них датируются XV веком, в XVI в. были напечатаны ещё 6. Несмотря на общность большинства эпизодов, нельзя с полной уверенностью утверждать, что тексты печатных книг происходят непосредственно от какой-либо из бенедиктинских рукописей. Однако среди самих первопечатных книг можно выделить определённую схему преемственности. Издания разделяются на две основные ветви: 1) верхненемецкую, происходящую от издания Айрера 1488 г. – Нюрнбергские, Аугсбургские, Лейпцигское, Бамбергское и Страсбургское издания, 2) и нижненемецкую, включающую в себя издание Варфоломея Готана и Гамбургское издание «печатника Йегера». Наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что все тексты печатных изданий восходят к варианту Марка Айрера, но не непосредственно, а через промежуточную ступень – издание Петера Вагнера.

В Главе 4 «Языковые особенности текстов о Владе III и их изменение в соответствии с изменением жанра и задачи» анализируются лингвистические особенности текстов о Владе III и их изменение в процессе развития прагматики текстов и их жанровой эволюции.

В разделе 4.1 рассматриваются лингвостилистические особенности отдельных жанров. Языковые особенности бенедиктинских рукописей можно разделить на несколько групп. Средствами создания отрицательного образа (1) в текстах служат использование негативной оценочной лексики, подробные, хотя и однообразные описания казней, совершённых по приказу Дракулы, а также сравнение Дракулы с гонителями христиан – Иродом, Нероном и Диоклетианом.

Solche große pin und schmerzen aller die wütrich und durechter der christenhait nie erdaucht habend. Als von Herodes, Nerone und Diocletiano und allen ander hayden tatten solch marter nie erdacht habend als diser wütterich.

(Таких пыток не могли выдумать все злодеи и мучители христиан. Ни Ирод, ни Нерон, ни Диоклетиан и другие язычники не придумали таких мучений, как это чудовище).

В качестве средств эмоционального воздействия на читателя (2) используются риторические приёмы (прямая речь, диалог, эмоционально окрашенное восклицание):

Und die gedachtend alweg man wurd sy spyssen. Ey wie in gross sorgen sind sy gewesen.

(А они (послы) всё время думали, что их посадят на кол. О, в какой великой тревоге пребывали они!)

Ту же функцию выполняют синонимические пары глаголов.

Item s. Bartholomeuskirch hat er lassen verbrennen daselbs ouch alle die ornat und kelchen geroubt und genomen.

(Потом он велел сжечь церковь св. Варфоломея и всё убранство и священные сосуды украл и забрал).

К стилистическим приёмам, усиливающим выразительность повествования, относятся также сравнительные обороты:

...der warend als vil, als ain grosser wald

(Их (кольев) было много, как будто большой лес).

Кроме того, в качестве дополнительного средства эмоционального воздействия, в описании жертв Дракулы используются уменьшительно-ласкательные формы существительных.

Eß haben ouch kindlin den mütteren an ir brust grissen ouch die mütter die kindle.

(Также пригвождали деток к груди матерей и матерей к деткам).

Детальные подробности, присутствующие в тексте, являются средством создания эффекта документальности повествования (3); к ним относится употребление многочисленных топонимов Трансильвании, обилие числительных (точных дат происходящих событий и количество убитых или находившихся под угрозой смерти).

Do man zalt 1460 jar an Sant Bartolomeustag

Item zu Sant Bartolomeus tag des morgens ist der dracoll komen ubern wald mit sinen dienern und hatt haimgesucht alle walchen baiderlay geschlächt als man sagt, ußerhalb des dorfs Himilasch. ...Und das dorff hat er ganz lassen abbrennen mit dem gutt und als man sagt in zall mer den drissig tussent menschen.

(В год 1460 в день св. Варфоломея.

Затем в день св. Варфоломея пришёл Дракула из-за леса со своими прислужниками и посетил всех валахов обоего пола, как говорят, за пределами деревни Химилаш. И деревню он приказал полностью сжечь со всем добром, и, как говорят, с людьми числом более 30 000).

Перечисление различных видов казней, которые применял Дракула, также создают впечатление, что текст имеет под собой документальную основу. Аналогичный смысл имеет и стилизация под хроникальную запись или официальный документ (каждый эпизод вводится латинским *item*).

Периодически возникающие перед указаниями количества убитых отсылки к безымянным источникам информации (*als man sagt*, как говорят), очевидно, также призваны усилить эффект достоверности (4). Но возможно и другое объяснение: эти отсылки, наоборот, снимают с автора текста ответственность за то, что он сообщает, т.е. являются средством дистанцирования автора текста от сообщаемой им информации.

Перечисленные средства, несмотря на своё разнообразие, применяются в текстах скупно.

Языковые особенности поэмы Михаэля Бехайма разделяются на сходные категории. К средствам создания отрицательного образа относится негативная оценочная лексика, значительно более разнообразная, чем в бенедиктинских рукописях: *der ubel und schalkhafte* (*злой и хитроумный*), *diser wutrich unraine* (*этот нечистый злодей*), *der valsche knab* (*обманщик*), *der ubel plut vergiesser* (*злодей, проливающий кровь*). Сюда же относятся подробные описания казней, совершённых по приказу Дракулы, упоминание о том, что Дракула был язычником, а также лишение отрицательных персонажей имени собственного.

В качестве средств эмоционального воздействия на слушателя или читателя автор использует риторические приёмы (риторические вопросы, императивные обращения к слушателю).

Waz tet er aber mer dar nach?

Hort van dem schalk unreinen! (219-220)

(А что же ещё он сделал потом? Послушайте о нечистом подлеце!)

Подобную же функцию выполняют диалоги, у Бехайма гораздо более развёрнутые, чем в бенедиктинских рукописях.

Der Trakol sprach: 'nun sag mir, wie
hastu daz nit gebredigt hie,
dy sund werd nit verlassen,
'Man lass dann yeder man daz sein?'
der briester sprach: 'ja, daz ist mein
bredig in solchen mossen.'

Der Trakol sprach: 'war umbe
nymstu mir dann mein brokel, die
ich mir het ein gebroket hie?
dis bringt dir kainen frumme.' (431-440)

(Дракула сказал: теперь скажи мне, не проповедовал ли ты здесь, что грехи не отпускаются – это относится к любому человеку? – Священник сказал: да, в этом моя проповедь. Дракула сказал: почему же ты тогда берёшь мой кусок хлеба, который я отломил для себя? Это не добавляет тебе благочестия).

Кроме того, персонажи, которым противостоит Дракула, наделены положительными эпитетами. В описании его жертв употребляются уменьшительно-ласкательные формы существительных, а также приводятся трогательные подробности, контрастирующие с описаниями зверств Дракулы и казней его жертв, насыщенными пугающими подробностями:

auch ermlein dy kindel
Umb ir muter heten getan...
Etlich liess ser verwunden
Und dy wunden reiben mit salcz,
Etlich rosten in haissen schmalcz.
Vil pein wart da erfunden.

(Детки обнимали матерей своими ручками... Иных он велел изранить и натирать раны солью, иных жарить в кипящем сале - много мучений тут было придумано.)

Целый ряд особенностей служит созданию эффекта достоверности. Например, автор называет по имени непосредственный источник информации (некий бенедиктинский монах Якоб). Как и бенедиктинские рукописи, поэма содержит

топонимы Трансильвании, личные имена второстепенных персонажей и обилие цифр: а) точные даты происходящих событий, б) количество убитых или находившихся под угрозой смерти. Комплекс перечисленных средств создаёт впечатление высокой информированности автора. Наконец, созданию эффекта достоверности повествования служат подробное, каталогизированное описание видов казней, которые применял Дракула, и прямая речь, в одном из случаев якобы записанная со слов участника событий.

Тексты истории о Дракуле в «Констанцской хронике» и бенедиктинских рукописях настолько схожи, что представляется возможным говорить о совпадении их языковых особенностей. Однако, несмотря на заметную схожесть текстов совпадающих эпизодов, в них существуют и расхождения. Список тиранов-гонителей христиан в хронике расширен по сравнению с бенедиктинскими рукописями (а также поэмой Бехайма и народными книгами):

Solche große pin und schmerzen aller die wütrich und durechter der christenhait nie erdaucht habend. Als von Herodes, Nerone und Diocletiano und allen ander hayden tatten solch marter nie erdacht habend als diser wütterich. (бенедиктинская рукопись, Санкт-Галленский вариант)

(Такие великие мучения и боль все тираны и мучители христиан не могли придумать. Ирод, Нерон, Диоклетиан и все другие язычники не придумали таких мучений, как этот злодей).

und vil ander groß pin und schmerzen, die wütrich und durchächter der christenhait im erdaucht haben, als von Herode, Nero Dyocletiano, Decio, Marentio und allen anderen wütrichen und haiden, als der wütrich und tüffels sun erdaucht hat und erdenkt durch ingießung des tüffels. («Констанцская хроника»)

(И много других великих мучений и боли, каких тираны и мучители христиан, такие, как Ирод, Нерон, Диоклетиан, Деций, Максенций и все другие злодеи и язычники не могли придумать (так), как этот злодей и чёртов сын придумал и придумывает по внушению дьявола).

Кроме того, автор хроники даёт объяснение действиям Дракулы: по мнению хрониста, он совершал свои злодеяния по внушению дьявола (durch ingießung des tüffels). В тексте хроники не используются уменьшительно-ласкательные формы существительных в описании жертв Дракулы, однако встречается другой способ усиления эмоционального воздействия повествования: уменьшается возраст детей, которых по приказу Дракулы казнили вместе с их матерями:

...er hatt lassen spissen müter und kind sugende und innerhalb aineß iaur oder 2 oder mer (бенедиктинская рукопись, Санкт-Галленский вариант)

(Он велел посадить на кол матерей и младенцев одного года или двух или больше).

...er hat laussen spissen müter und sunder sugende kind, die jünger dan ain jar sind
(«Констанцская хроника»)

(Он велел посадить на кол матерей и младенцев, которые были младше одного года).

Автор хроники ссылается не на устные источники, как бенедиктинская рукопись (als man sagt, как говорят), а на документальные:

Item was namhafftig geschriben ist, die er umbraucht heit, one die, die hie vor nit geschriben sind, der ist an zal zway und nünzig tusend zwaihundert und acht und sechzig menschen, die man in den büchlin in der zal hat, one die, deren noch vil nit geschriben sind.

(Далее, тех убитых им, кто записан по именам и о ком раньше не было написано здесь - числом 92 268. Это те, кого перечисляют книжки, кроме тех многих, которые не были записаны).

Приведённое выше количество убитых – 92 268 – встречается только в «Констанцской хронике». В отличие от всех других изучаемых немецкоязычных источников, автор хроники не приводит округлённое число. Неизвестно, основана ли столь точная цифра на фактических данных, но в любом случае она придаёт повествованию характер документальности.

Тексты печатных изданий народных книг о Дракуле, начиная с издания Марка Айрера 1488 г., имеют несколько характерных особенностей. Поход на Трансильванию описан в них более сжато, чем в бенедиктинских рукописях, поэме Бехайма и «Констанцской хронике». В печатных книгах приведены названия не всех мест, в которых происходили казни, а некоторые эпизоды похода опущены целиком.

Эмоционально окрашенные предложения в народных книгах зачастую отсутствуют даже там, где они встречаются в стилистически сдержанном тексте бенедиктинских рукописей:

Die ließ der tracole fuenff wochen harren vnd ließ spiess fuer die herbrig stecken. also sein die in großen sorgen gewesen. Das hat er dar vmb getan er forcht verreterey.

(Их (послов) Дракула заставил ждать 5 недель и велел приготовить для них колья. И послы были в большой тревоге. Он сделал это потому, что боялся предательства). (печатное издание Айрера)

Для сравнения, в бенедиктинской рукописи:

Eu wie in gross sorgen sind sy gewesen.

(Ах, в какой большой тревоге были они!)

Встречаются также синонимические пары глаголов (хотя и реже, чем в предшествующих текстах о Дракуле):

Item s. Bartholomeuskirch hat er lassen verbrennen daselbs ouch alle die ornat und kelchen geroubt und genomen. (бенедиктинская рукопись, Санкт-Галленский вариант)

(Далее, он велел сжечь церковь св. Варфоломея и всю утварь и священные сосуды украл и забрал).

Item er hat auch sant Bartholomes kirchen lasen verprenen vnd all ornat vnd kelch von dann genummen. (печатное издание Айрера)

(Далее, он также велел сжечь церковь св. Варфоломея и всю утварь и священные сосуды забрал).

Некоторое разнообразие в печатных изданиях возникает в начале новых эпизодов: они могут кроме обычного item, иметь зачин *mer кроме того* или *pald darnach вскоре после этого*:

Mer hat er seiner haubtman einen in ein groß dorff geschickt mit namen zeinding zu verbrennen.

(Кроме того, он послал одного своего военачальника в большую деревню под названием Цайндинг, чтобы её сжечь).

Различия наблюдаются и в способах характеристики главного персонажа и его действий, например, в издании Айрера и дальнейших текстах народных книг отсутствуют сравнения с тиранами-гонителями христиан, которые встречаются в бенедиктинских рукописях, поэме Бехайма и «Констанцской хронике». Важным отличием первопечатных текстов является то, что негативные характеристики относятся чаще к действиям Дракулы, чем к его личности. В некоторых эпизодах действия Дракулы даже оправдываются: в истории о том, как он приказал сжечь нищих, они названы не *бедняками* (arm lutt), как, например, в бенедиктинских рукописях, а *Попрошайками* (petler). Кроме того, дана мораль, почему именно Дракула так с ними поступил:

Item er ließ all petler in seinem land ein gut mal bereiten. nach dem mal ließ er sy in dem stadel darin sy geessen heten versperren. vnd verprent sy all. Er maint sy esen den leuetenn das ir vmd sunst ab vnd kuenten das nit verdienen.

(Затем он повелел для всех попрошайек в его стране приготовить хороший обед. А потом приказал запереть их в том сарае, где они ели, и сжёг их всех. Он

считал, что они даром объедают других людей, а сами ничего не зарабатывают).

История с монахами, которых Дракула спрашивал, действительно ли он величайший тиран на свете, также завершается моралью. Дракула щадит одного монаха, который не побоялся сказать ему, что он злодей, и казнит другого, пытавшегося ему льстить, говоря, что о нём идёт добрая слава:

Der dracol sprach nempt in hin vnd ließ in spissen von der vnwarheit wegen.

(Дракула сказал: возьмите его. И велел его посадить на кол за ложь).

На этом фоне логичной выглядит мораль последнего эпизода, в котором рассказывается, как Дракула в конечном счёте покаялся и начал творить добрые дела, потому что стал христианином.

Pald darnach fieng in der kuenig in hungere vnd behielt in vil zeit hertigklich gefangen. Darnach ließ er sich zu ofen taufen vnd thet große pueß. Darnach machet der kuenig den Dracole wayda wider zu einem herren als vor. Vnd man sagt er deth darnach vil guter sach.

(Вскоре после этого его поймал король Венгрии и долго держал в суровом плену. После этого он (Дракула) публично крестился и совершил великое покаяние. После этого король снова сделал Дракулу-воеводу правителем, как прежде. И говорят, после этого он совершил много добрых дел).

Как показал анализ источников, существует последовательная генеалогическая связь немецких текстов о Владе III как с точки зрения истории их создания, так и в филологическом плане (в языке и структуре текста). Подводя итог, следует выделить следующие особенности, связывающие исследуемые тексты:

- 1) Структурно-содержательная общность: все тексты имеют общий базовый набор эпизодов;
- 2) Общность топонимики: названия поселений Трансильвании совпадают во всех текстах, хотя и по-разному искажены орфографически;
- 3) Совпадение дат и, в большинстве случаев, количества убитых или пострадавших от действий Дракулы;
- 4) Сходные риторические приёмы: диалоги, прямая речь, обращения к аудитории, одни и те же сравнения, синонимические пары глаголов;

5) Идентичные приёмы в описании жертв: использование уменьшительно-ласкательных форм существительных, а также приведение трогательных подробностей;

б) Идентичные приёмы в описании Дракулы: сходная лексика в отрицательных характеристиках, сравнение персонажа с гонителями христиан.

По своему типу эти особенности могут быть поделены на несколько групп:

- содержательная группа – пункты 1), 2), 3);
- риторико-стилистическая группа – пункт 4);
- конкретные языковые единицы – пункты 5), 6).

Раздел 4.2 посвящен рассмотрению конкретной языковой особенности, которая характеризует все памятники и является их яркой чертой: это последовательное оформление текстов всех жанров конструкциями *lassen*+инфинитив.

Рассматривая соответствующие эпизоды в истории о Дракуле в поэме Бехайма, «Констанцской хронике» и народных книгах, начиная с первого издания, нетрудно заметить, что эти глагольные конструкции употребляются в тех же местах, что и в бенедиктинской рукописи, фактически без изменений, несмотря на изменение жанра текста:

Item er hat den jungen Darin gefangen... do *hat* er den *lassen machen* ain grab nach gewonhait der Christen. (бенедиктинская рукопись, Санкт-Галленский вариант)

Da *liess* er ain grab *machen*,

und hiess den Tann fürn zu dem grab. (поэма Бехайма)

Item er hat den jungen Dan gefangen, darnach *hat* er im *laussen machen* ain grab nach gewonhait der Christan. («Констанцская хроника»)

Item er hat den iungen dann gefangen vnd *hat* im ein grab *lasen machen* vnd *lasen besurgen* nach cristenlicher ordenung. (печатное издание Айрера)

(Также он поймал молодого Дана, после чего приказал сделать ему могилу по христианскому обычаю.)

Само по себе употребление этой конструкции не является необычным для немецкоязычных текстов XV в. различных жанров. Тем не менее, ни в одном из многочисленных текстов не встречается такого обилия конструкций *lassen*+инфинитив, как в парадигме немецких текстов XV в. о Владе III.

Эту частотность наглядно демонстрирует статистика по сказуемым в данных текстах:

Текст	Бenedиктинская рукопись (Санкт-Галлен)	Поэма Бехайма	«Констанцская хроника»	Печатное издание Айрера
Всего сказуемых	281	678	376	298
lassen+инф. в значении приказа	61	77	64	47
Процентное содержание lassen+инф.	22%	11%	17%	16%

Глагол *lassen* выражает в немецком языке дистантную каузацию и моделирует различные семантические типы каузации. Из всех аспектов значения конструкции *lassen+инфинитив* для рассматриваемого нами материала релевантным является фактитивный: *Item... hat er dorffer und schlösser in Sibenburgen by der Hermonstatt lassen verbrennen.* - *Также он приказал (повелел) сжечь деревни и замки в Семиградье.* В конструкции *lassen+инфинитив* глагол *lassen* является служебным и в нашем случае десемантизирован, поскольку утрачивает значение пермиссивности.

Особое значение для исследуемого материала имеет указание теоретиков-синтаксистов [Аркадьев, Летучий 2009: 13; Дадуева 1994: 76-81] на нового участника в роли агенса, «каузирующего ситуацию». Эта дополнительная позиция каузатора позволяет при помощи каузативной конструкции переориентировать высказывание с указания на фактического исполнителя действия на представление другого подлежащего в качестве причиняющего лица/инстанции. В произведениях различных жанров, посвящённых деяниям великих людей, последние как раз выступают в роли каузаторов событий и свершений, конкретными исполнителями которых были другие люди.

Конструкция lassen (lazan, laz(z)en)+инфинитив в принципе встречалась в немецком языке предшествующего и современного исследуемым текстам периодов, сменив в каузативной функции конструкцию с heizzen [Недялков, Никитина 1965: 170-193]. Однако при изучении большого корпуса текстов различных жанров, где могли бы встречаться конструкции lassen+инфинитив в схожих контекстах (правовые тексты, хроники, поэтические произведения, описывающие деяния правителей), не было выявлено ни одного примера настолько частотного употребления этой конструкции. (Во всех проанализированных текстах содержание конструкции lassen+инфинитив менее 1% от общего числа сказуемых).

Эта особенность, характерная для корпуса немецких текстов о Дракуле, может быть следствием переводного характера изначального немецкого текста. Частотные конструкции lassen+инфинитив в исследуемом корпусе могут объясняться как отражение латинских синтаксических особенностей (бесподлежащие конструкции) в языке первого немецкого источника (бенедиктинские рукописи) и дальнейшая передача этой черты в следующих за ним немецких текстах (поэма Бехайма, «Констанцская хроника», печатные книги).

Кроме того, возможно предположить, что ученые монахи, которые составили текст бенедиктинской рукописи (являвшейся дайджестом для дальнейшего оформления в текстах различных жанров), под влиянием хорошо знакомой им латыни проявляли языковую чуткость в различении простого актива и каузативного оборота со вторым агенсом в качестве подлежащего. Речевое поведение составителей немецкого донесения обнаруживает их отношение к данным конструкциям как к грамматикализованным формам выражения системной оппозиции.

В целом несвойственное немецкой словесности обилие конструкций lassen+инфинитив можно объяснить уникальностью оригинальной «Истории о Дракуле» и всех производных от неё текстов: в XV веке не было примеров литературных произведений, представляющих собой последовательное обвинение современного им христианского правителя в преступлениях. Немецкие тексты о Дракуле являются единственными в своём роде, и поэтому, вероятно, их можно рассматривать как отдельное явление в литературе своего времени.

В **Заключении** содержатся выводы работы, которые отражают положения, выносимые на защиту (см. выше), а также выводы к главам 1-4.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях, три из которых напечатаны в журналах, входящих в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. А.П.Кашперская. Роль каузативных конструкций lassen+инфинитив в немецких текстах XV века о Владе III Дракуле // Этносоциум и межнациональная культура, №6 (72). - М.: Этносоциум, 2014 г. – С. 161-167.

2. А.П.Кашперская. Средства создания образа Влада III (Дракулы) в поэме Михаэля Бехайма «О злодее, прозванном Дракула воевода валашский» // Этносоциум и межнациональная культура, №7 (73). - М.: Этносоциум, 2014 г. – С. 192-201.

3. А.П.Кашперская. Возникновение и эволюция образа Влада III Дракулы в немецких текстах XV века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, №7. - ООО "Издательский дом-Юг", Краснодар, 2014 г. – С. 317-320 (12029 зн.).

4. А.П.Кашперская. Образ валашского князя Влада III Дракулы в немецких текстах XV века: обзор источников // В кн.: Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения Вып. 5. М.: МАКС Пресс, 2013 г. - С. 40-44.

5. А.П.Кашперская. Образ валашского князя Влада III Дракулы в немецких текстах XV века: обзор источников (тезисы доклада) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» [Электронный ресурс].– Секция «Филология». М.: МАКС Пресс.